

ГЛАВА VI. Могущество идеи взаимности; её всеобщее применение. – Самый элементарный принцип нравственности стремится сделаться основанием экономического права. – Первый пример: страхование

Могущество идеи взаимности; её всеобщее применение. – Самый элементарный принцип нравственности стремится сделаться основанием экономического права и новых учреждений. – Первый пример: страхования.

Рабочие классы выдали нам свою тайну. Мы знаем от них же самих, что, остановившись на минуту в 48 году на идеях общинной жизни, общинного труда, государства-семьи или государства-слуги, они скоро распрощались с этой утопией; мы знаем также, что с другой стороны они протестуют решительно против системы политической умеренности и буржуазной экономической анархии и что мысль их сосредоточена на одном принципе,

одинаково приложимым, по их мнению, и к организации государства, и к узаконению интересов. Это принцип взаимности.

Так как эта идея уже выдана на свет божий, то нам нечего обращаться к рабочим классам с вопросом о том, как они понимают свое будущее. На практике они мало подвинулись в последние 6 месяцев; что же касается доучения их, то, зная принцип его, мы при помощи логики можем узнать все выводы, вытекающие из него, и получить такое же полное понятие об учении их, какое имеют они сами. Подобно рабочим классам и даже лучше их, мы можем вдуматься в общечеловеческое сознание, открыть его стремление и показать массам их судьбу. Если бы им пришлось сбиться с дороги, мы можем указать им их противоречия и непоследовательность, короче, их ошибки; потом, прилагая их идею ко всякому данному политическому, общественному и экономическому вопросу, мы можем начертать им план действий, если у них его не окажется. Таким образом, мы укажем им заранее условия их успеха и причины их поражения, напишем заранее их историю в форме диалектического вывода. Цивилизация дошла в наше время до этой точки. Человечество начинает узнавать себя и уже владеет собою настолько, что в состоянии надолго вперед рассчитать свою жизнь; это может послужить превосходным утешением тем, кого огорчает кратковременность жизни и кто хотел бы знать ход мировых событий по крайней мере на несколько сот лет после своей смерти.

Итак, обратимся вновь к идее взаимности и посмотрим, что может из неё сделать рабочая демократия по законам логики и под гнетом обстоятельств.

Заметим прежде всего, что взаимность взаимности рознь. Можно отплачивать друг другу злом за зло, как и наоборот – добром за добро. Можно отплачивать друг другу риском за риск, удачей за удачу, конкуренцией за конкуренцию, равнодушием за равнодушие, милостыней за милостыню. На мои глаза общества взаимного вспоможения, которые существуют в наше время, составляют лишь простую переходную ступень к порядку вещей, основанному на взаимности; они принадлежат еще к категории человеколюбивых заведений и таким образом являются обременительными для рабочего, если он не желает оставаться беспомощным в случае болезни или прекращения работ. К тому же разряду я причисляю ломбарды, лотереи с благотворительною целью, сберегательные и пенсионные кассы, страхование жизни, приюты, сиротские дома, больницы, дома призрения, воспитательные дома, Quinze-vingts, дома инвалидов, общественные грельни и т. д. Уже по одному тому, что сделало или пыталось сделать религиозное милосердие, можно судить, сколько дела предстоит современной взаимности. Общественное бедствие так глубоко, а реформы, которые имеют в виду улучшить судьбу многочисленных бедствующих масс, совершаются так медленно, что все эти благотворительные заведения, быть может, исчезнут еще нескоро. Но тем не менее, они не более как памятники нищеты, а Манифест Шестидесяти сказал нам: «Мы отвергаем благодеяние; мы требуем справедливости».

Истинная взаимность, как мы уже сказали, дает, обещает и гарантирует услугу за услугу, ценность за ценность, кредит за кредит, гарантию за гарантию; заменяя всюду суровым правом дряхлеющую благотворительность, законностью договоров произвол обменов, устраняя всякое поползновение к лихоимству, всякую возможность ажиотажа, приводя к простейшему выражению всякий неизвестный элемент, распространяя риск на всех, –

истинная взаимность систематически стремится организовать самый принцип справедливости и обратить его в целый ряд положительных обязанностей и материальных ручательств.

Чтобы уяснить свою идею примерами, я возьму сперва самый известный и самый простой.

Всякий конечно знает о страховых обществах против пожаров, града, скотских падежей, опасностей морского плавания и т. д. Но менее известно, что эти общества имеют вообще огромные выгоды: между ними есть такие, которые доставляют своим акционерам 50, 100, даже 150 на 100 процентов на внесенный капитал.

Легко понять почему это так.

«Страховому обществу не нужно капитала: ему не приходится ни предпринимать работы, ни закупать товары, ни оплачивать рабочие руки. Собственники в каком угодно количестве – чем больше, тем лучше, – беря в соображение ценность страхуемого имущества, принимают, один в отношении другого, обязательство взаимно охранять друг друга в случае утрат, вызванных непреодолимыми обстоятельствами или случайностью – вот что называется взаимным страхованием. При такой системе страховой взнос, который должен уплатить каждый член, вычисляется только в конце года или даже в более продолжительные периоды, если несчастные случаи были редки или маловажны. Стало быть, он подвержен колебаниям и никому не приносит выгод.

«Но в другом случае капиталисты соединяются и предлагают частным лицам пополнять за ежегодный страховой взнос x на 1,000 все непредвиденные убытки, причиняемые им пожарами, градом, кораблекрушением, скотскими падежами, – словом, всякими несчастиями; это называется страхованием за определенный взнос.» (Manuel du speculateur à la Bourse, par P. J. Proudhon).

Так как никто теперь необязан заботиться, в чем бы то ни было, об интересах другого, и так как предложение и спрос составляют закон торгового мира, то понятно, что, условливаясь между собою, страхуя друг друга и рассчитывая риск и взносы таким образом, чтобы барыш по крайней мере вдвое превышал убыток, общества ежегодно удваивают или утраивают свой капитал.

Почему же взаимное страхование не заменило давным-давно всякое другое страхование? А вот почему: потому что вы найдете весьма мало частных лиц, которым пришла бы охота заняться тем, что выгодно для всех, но никому не приносит прибыли; потому что правительство, которое могло бы взять на себя такую инициативу, отказывается от этого, будто это вовсе его не касается, так как, по его мнению, это дело политической экономии, а не правительства; потому что – и вот главная причина – это значило бы нанести удар обществам тунеядцев, жирных дармоедов, роскошно живущих тою данью, которую им платят страхуемые; потому, наконец, что те попытки взаимного страхования, которые делались или помимо государственной санкции в слишком маленьких размерах, или же самим государством, но единственно в видах доставить верное обеспечение своим слугам, привели в уныние самых ревностных людей, так что до сих пор еще ничего не сделано для

этой цели. Оставленное в стороне общественной властью, которая должна была принять его в свои руки, взаимное страхование остается доселе только мечтою.

«Когда во Франции пробудятся дремлющие до сих пор дух инициативы и чувство солидарности, страхование обратится в условие между гражданами, в ассоциацию, выгоды которой пойдут в пользу страхуемых, а не нескольких капиталистов, и выразятся в понижении страховой платы. Эта идея уже обнаружилась как в обществе, так и в совещательных собраниях в виде государственных страхований». (Ibid).

В этом случае можно опасаться только одного, именно, чтобы французское правительство, под предлогом общественной пользы, не создало такой же обширной монополии, каковы напр. созданные им монополии железных дорог, газового освещения, омнибусов, маленьких карет и т. д.; такая монополия дала бы средство оделить многих верных слуг, которых по бедности казны нет возможности вознаградить за их продолжительную службу. И так, при том отсутствии взаимной солидарности, которое характеризует современный порядок во Франции, мы французы подвергаемся то эксплуатации обществ, то эксплуатации правительства, а все это происходит оттого, что мы не умеем согласиться между собою и что нам кажется гораздо удобнее смотреть, как привилегия обогащает немногих, чем избавиться общими усилиями от расхищения и нищеты.

Эти факты известны всем, и я вовсе не думаю сообщать читателю чтонибудь новое на этот счет. Чего же требуют сторонники взаимности?

Заодно с экономистами чисто либеральной школы, они охотно признают, что свобода – первая из экономических сил, что ей должно быть предоставлено все, что она может совершить одна; но они полагают, что там, где свобода оказывается недостаточною, здравый смысл, справедливость и общий интерес заставляют прибегать к вмешательству коллективной силы, которая в этом случае есть ничто иное, как взаимность; они полагают, что общественные должности были учреждены именно для потребностей этого рода, и что оне не имеют другой цели. И так, они хотят, чтобы их принцип – в теории признанный всеми по вопросу страхования, но неимевший до сих пор практического применения, благодаря небрежности или злоумышленности, – получил наконец полное и совершенное приложение. Вот то тройное зло, на которое они указывают противоположной системе и которое они твердо решились уничтожить, как только власть перейдет в их руки:

- 1) Нарушение принципа общественного и экономического права.
- 2) Принесение в жертву части общественного имущества под видом премии.
- 3) Премия, поддерживающая и создающая развращающее тунеядство.

Но это еще не все. Одна несправедливость ведет за собою другую. В деле страхования, как в деле налогов, тощие платят за жирных, – это факт, который нам трудно было бы подтвердить доказательствами, потому что мы не просматривали счетных книг обществ, но который тем не менее кажется нам совершенно достоверным. И действительно, несчастные случаи сравнительно гораздо реже постигают маленькие квартиры, незначительные движимости, мелкие промышленности, чем большие мануфактуры и обширные магазины; но

несмотря на это, страховая премия при разных побочных взносах выше для мелких страхований, чем для крупных.

Для взимания премий общества учреждают между собою особый капитал, который есть ничто иное, как стачка, относящаяся к разряду стачек, запрещенных прежде законом, но дозволенных теперь собранием законодательного корпуса, что составляет злоупотребление другого рода. Тогда как общества взаимного страхования брали бы не более 0 фр. 15 сантимов на 100, страховые компании с премиями берут по 40%.

Но к чему толковать о взаимности? Общества, учрежденные по этому принципу, гораздо менее стремятся к развитию путем уменьшения взносов, чем к тому, чтобы уподобиться другим обществам, вступая, подобно им, на путь монополии. Они хотят наживаться. Добровольное бездействие одних доставляет поддержку другим.

При настоящем порядке вещей, говорят сторонники взаимности, страховые взносы для большинства просто дань, которой страна оплачивает всеобщую несолидарность. Но придет день, когда одна возможность подобных спекуляций будет вменена в преступление всякому правительству, способному до такой степени пренебрегать общими интересами.

Версия #5

Зверобой создал 17 марта 2025 07:10:37

Зверобой обновил 11 июня 2025 15:23:30